

ежевичная водка
для разбитого сердца

рафаэль жермен

ежевичная водка
для разбитого сердца

Москва
2017

УДК 821.133.1-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Ж60

Rafaele Germain
VOLTE-FACE ET MALAISES

Copyright © Rafaele Germain and Editions Libre
Expression, 2012

Перевод с французского *Нины Хотинской*
Художественное оформление *П. Петрова*

Жермен, Рафаэль.

Ж60 Ежевичная водка для разбитого сердца : [роман] / Рафаэль Жермен ; [пер. с фр. Н. О. Хотинской]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с. — (Мировой бестселлер. Romance).

ISBN 978-5-699-94736-2

Все по-разному переживают расставание. Женевьева, которую бросил мужчина ее мечты, рыдает на диване в обнимку с котами и опустошает рюмку за рюмкой. Может, горькие слезы и горькие напитки — как раз то, что лечит раненое сердце? Но Женевьева скоро узнает, что есть и другие лекарства: вера в себя и страстный роман с прекрасным незнакомцем.

Рафаэль Жермен не зря называют франкоязычной Хелен Филдинг. Герои ее романов попадают в курьезные ситуации, не боятся смеяться над собой и отчаянно верят в настоящую любовь.

УДК 821.133.1-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Хотинская Нина, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-94736-2

ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Дела были плохи. В холодильнике не осталось сока, все апельсины давно выжаты, а в большие окна квартиры я видела снежный буран, полностью отражавший мое внутреннее состояние. О том, чтобы выйти, не могло быть и речи. Так, впрочем, продолжалось уже почти десять дней — с тех пор, как Флориан объявил мне, что уходит к другой женщине. Он покинул квартиру, *свою* квартиру, где я прожила с ним четыре года, сказав, что не собирается на меня давить и я могу пока остаться, на сколько пожелаю. Славный малый.

Но сок кончился, а мне надо было чем-то разбавить остатки водки из бутылки, которую Катрин, добрая душа, принесла мне четыре дня назад, а я за эти дни почти опустошила, жалея себя и упиваясь своим горем. Мне пришла в голову блестящая идея смешать водку с остатками ежевичного сорбета (ежевичная водка!), завалившегося в морозилке с незапамятных времен. Сорбет — это ведь замороженный сок, верно? — сказала я себе в трогательном порыве самооправдания. Вот только сорбет, невесть сколько пролежавший в морозилке в не самой герметичной упаковке, приобрел стойкий привкус, определенно от оказавшегося рядом пакета с

креветками. Мой ежевично-креветочный коктейль вышибал слезу, но я добросовестно пила его, как больной ребенок пьет сироп от кашля. Да, дела мои были действительно плохи.

Флориан ушел. Это факт, он свершился ровно в 20 часов 17 минут в прошлый вторник, но с тех пор, казалось, он обрушивался на меня ежечасно.

В 4:42 утра, когда я, просыпаясь в темноте, на несколько мгновений вновь обретала нежную невинность предшествующих недель, пока не обнаруживала — о ужас! — Флориана нет рядом.

В 11:31, когда я вытаскивала себя за шиворот из постели и ощущала самую настоящую дурноту, осознавая, что мужчина, с которым я жила без малого шесть лет, ушел и больше не вернется.

В 14:03, когда я в слезах звонила Катрин, чтобы пересказать ей мой последний разговор с Флорианом, — который она уже знала наизусть, так как я повторяла ей его слово в слово минимум раз в день, — в смешной надежде, что одна из нас вдруг найдет в нем противоядие от моей беды («Когда он сказал «но», он действительно сказал «но», однако это было больше похоже на «и»... как ты думаешь?»).

Около 16 часов, когда опьянение от первых стаканов водки с грейпфрутом (в ту славную пору в холодильнике еще был сок) давало о себе знать, мне ненадолго удавалось себя убедить, что все к лучшему, но через несколько минут обливалась слезами.

В 19:24, когда, попав в совершенно абсурдный порочный круг, от одного звука собственных рыданий я начинала рыдать еще пуще.

Ближе к 21 часу, когда Катрин пыталась заставить меня хоть что-нибудь съесть, после чего уходила, успев перед этим накормить двух моих котов, которые пре-

Ежевичная водка для разбитого сердца

вратились в ходячие носовые платки, столько слез я на них пролила.

В 23:58, когда я пиялилась на титры очередной серии «Анатомии страсти»¹, заливаясь слезами отнюдь не по поводу трагической смерти маленького мальчика, мужественно боровшегося с редчайшей формой рака, а потому, что в это время я от души завидовала этому мужественному маленькому мальчику, добавляя к отчаянию брошенной женщины искреннее отвращение к себе самой, столь же пагубное, сколь и предсказуемое.

Да, окончательный и бесповоротный уход мужчины, которого я все еще любила, наваливался на меня по несколько раз в день. Он свершился во времени, но еще не свершился во мне, и у меня было отчетливое ощущение, что и не свершится никогда. Я вновь и вновь встречалась со своим несчастьем, осознавала свою беду. Боль не притуплялась, горе вкупе с удивлением было все таким же жгучим. И разумеется, я не видела света ни в конце туннеля, ни на дне бутылки с водкой.

«Это пройдет», — твердила мне Катрин. Я выходила из себя: я же не идиотка, я знаю, что пройдет, но я также знаю, что ничего *не знаю*. Этот странный софизм немного утешал меня, потому что я видела в нем проблеск здравого смысла, который, как я надеялась, однажды должен победить. Катрин была столь добра, что не отвечала на мои нападки, — наверно, она еще и побаивалась меня немного: ведь я, когда мне перечили, становилась до того противной, что даже такой любительнице драм, как Катрин, могла осточертеть.

Она, однако, не оставила меня после моего первого отчаянного звонка в 20:18 в прошлый вторник. Она тут

¹ «Grey's Anatomy» — популярный американский телесериал о больнице.

же явилась с первой бутылкой водки, дисками «Секса в большом городе» и с шестью коробками экстраувлажняющих носовых платков, купленных в супермаркете Costco месяц назад в неожиданном порыве хозяйственности — абсурдном, но наконец-то оправданном. Она пережидала мои рыдания, утирала слезы, выслушивала жалобы, терпела приступы ярости, сомнения и заверения в вечной скорби.

Я прошла с тех пор все этапы потери достоинства, неизбежно следующей за разрывом, которого не ждали и не хотели. Я тысячу раз звонила моему бывшему — да, вот кто он мне теперь, бывший, иначе говоря — «экс», унылое и банальное словцо, которое я отныне никогда не смогу сложить в игре в скрэббл со всеми буквами на руках, не ощутив болезненного укола в сердце. Я оставляла жалкие пьяные сообщения на его автоответчике. Я запихала всю его одежду в мешки для мусора и вынесла на помойку, а потом вернулась за ними, движимая чувством вины, любви и надежды (а если он вернется? Как он будет разочарован, не найдя на месте своих носков и плавок, не говоря уж о смешном баварском свитере, который тетя прислала ему на Рождество). Я провозгласила фразы типа: «Любовные горести могут исцелить только те, кто их причинил» — самыми глубокими мыслями, до которых додумалось человечество.

Я заставила Катрин показать мне профиль другой женщины на фейсбуке и изучала его часами, повторяя в подлинном крещендо ярости, что она — всего лишь «тварь позорная, которой надо выпячивать свою даже не оригинальную хипстерскую культуру, потому что кто, кроме позорной твари, которой надо выпячивать свою даже не оригинальную хипстерскую культуру, цитирует на своей странице, *excuse me*, долбаного Дэвида

Ежевичная водка для разбитого сердца

Фостера Уоллеса¹ и пишет «иронизировать» в списке любимых занятий?» («Может быть, это ирония?» — заметила Катрин, за что получила злобный взгляд.) Я билась в истерике. Я закончила, сорвавшись на крик, чем-то вроде: «И вообще, прикинь, какие последние КРЕТИНКИ имеют страницу на фейсбуке?!» Катрин ответила на это робким: «Ну... около полумиллиарда человек? В том числе я?» Но настаивать она не стала: ей было ясно, что другой женщине я готова поставить всякое лыко в строку, будь то туфли, чтобы ходить, или легкие, чтобы дышать. Так что она поступила, как поступила бы на ее месте любая настоящая подруга в такой момент: согласилась со мной. «Ты права. КРЕТИНКА, и только». И мы дали друг дружке пять. Солидарность Катрин, за которую я еще неспособна была ее поблагодарить, глубоко меня трогала.

Она с завидным терпением поддерживала беседу, превратившуюся в моих устах в невыносимый маятник:

- Подлец, подонок, чертова сволочь.
- Забей.
- Но я его люблюуууууу.
- Да, я знаю.
- Хоть он и недостоин жить.
- Да, он недостоин жить.
- Он такой чудесный.
- Это точно.
- Подлец, подонок, чертова сволочь.
- Забей.

Она слушала *ad nauseam*² грустные песни, дававшие мне возможность упиваться своим горем до тошноты. Ее терпение лопнуло в конце концов и наложило за-

¹ Дэвид Фостер Уоллес (1962–2008) — американский писатель и философ.

² До тошноты (*лат.*).

прет на Уитни Хьюстон («Нет. Только не *Bodyguard*. Есть, черт возьми, предел, Женестьева»), но в остальном она проявила солидарность на грани героизма, стоически вынося Селин, Жан-Жака Гольдмана и — боже мой! — Джеймса Бланта.

На долю Никола, ее кузена—соседа—лучшего друга, выпала грязная работа — конфисковать мои диски Дэ-мьена Райса и стереть все его песни из моего компьютера и айпэда. Я кричала ему на редкость несправедливые глупости — он-де ничего не понимает в моем горе, — хотя он сам пережил разрушительную несчастную любовь несколько лет тому назад. Никола я любила, как брата, и это только усиливало мою злобную радость: я могла, делая ему больно, одновременно делать больнее себе. Женщина в несчастной любви полна сил, когда приходит время саморазрушения.

«Хочешь пойти прогуляться? Идем, разомнемся», — сказал мне Никола несколько дней назад так мягко и так властно, что я растеклась лужицей. Катрин тогда вернулась в их квартиру и сидела с Ноем, сыном Никола, который жил с ними постоянно, после того как свалила его мать, — откуда и разрушительная несчастная любовь с последствиями, бесспорно, куда более тяжкими, чем моя, затронувшая в конечном счете только меня и двух котов, которым все равно так и не удалось приручить Флориана.

Он надел на меня старый пуховик и сапоги, нахлобучил на голову вязаную шапочку с помпоном и вытащил в разбушевавшуюся зиму. На пару минут я ощутила щеками и оценила бодрящий укус ветра. Снег валил густыми хлопьями, снежинки кололи нам лица и оседали в волосах. Парк возле моего дома был пуст, только какая-то особо добросовестная девушка бегала трусцой по девственному снегу. Тут я, вспомнив, что здесь бегал и Флориан, рухнула в сугроб и осталась

Ежевичная водка для разбитого сердца

бы в нем до весны, если бы Никола не схватил меня в охапку и не перенес на тротуар. Но за скользкий пуховик не очень-то уцепишься, и он уронил меня в другой сугроб, что ужасно его развеселило, а я, увы, не могла разделить его веселья. «Когда-нибудь ты над этим посмеешься», — пообещал он мне, и я знала, что он прав, но все-таки немножко на него злилась.

Он же взял на себя труд позвонить моему работодателю, издателю, публиковавшему «автобиографии» звезд, которые не умели писать, и я становилась для них пером, чтобы изложить на бумаге их, по правде говоря, не особо интересные истории. Любовные горести, профессиональные неудачи, злоупотребление алкоголем и/или наркотиками, головокружительный взлет, открытие духовного мира — жизненный путь их всех был, казалось, скопирован с одного и того же телефильма. Все они были чистосердечны, безумно тщеславны и, в большинстве своем, убеждены, что их опыт уникален и послужит чертовски полезным уроком будущим читателям.

«Она не может писать», — объяснил Никола издателю, выпускавшему «мои» книги. Я как раз писала биографию победительницы реалити-шоу, которая в свои двадцать восемь лет жаждала поделиться с миром своим опытом, и мой привычный цинизм, уже слегка ядовитый от множества подобных историй, вкупе с несчастной любовью трансформировался в самое низкопробное презрение, которого молодая женщина в конечном счете не заслуживала и которое, увы, отнюдь не способствовало продуктивности.

Издатель, усвоивший уроки жизни благодаря общению с теми самыми «звездами», проявил великодушие, сказав Никола, что я могу взять несколько недель творческого отпуска. Я испытала безмерное облегчение, но и некоторое раздражение: мне хотелось с кем-нибудь

поругаться, покатить бочку на неблагодарного издателя за все, что со мной случилось. Мы с Никола и Катрин провели следующий вечер, составляя, в общих чертах, мою автобиографию: она всю жизнь работала в тени, пережила большую несчастную любовь, выдула литры водки и встретила Будду. Встреча с Буддой была делом будущего и представлялась мне очень маловероятной, с моей-то духовностью мухи, но мы втроем сошлись на том, что тут есть все составляющие бестселлера.

Я повторяла им по много раз на дню, и по телефону, и лично, когда они отваживались сунуть нос в мое логово, что «я не понимаю». «Ясное дело, ты не понимаешь», — отвечала Катрин участливо, чем злила меня: она-то с каких пор стала такой понимающей?! Я — нет, не понимала, не хотела понимать, и выходила из себя при мысли, что кто-то «понимает». Как Флориан мог уйти?! Как могла эта история закончиться так банально?..

Мы познакомились в Париже, в маленьком, туристического вида баре близ Сент-Андре-дез-Ар. Разве не должна такая встреча непременно предвещать любовь, какой нет равных? Я пребывала в этом заблуждении долго — оно рассеялось десять дней назад, если быть точной. Я была с Катрин и еще одной подругой, Мари-Эвой, мы пили красное вино, пятна от которого фиг отмоешь, и визжали от радости, что встретились в этом городе. Мы приехали не вместе, и я сначала наткнулась на Катрин, начинающую актрису, немного знакомую по Монреалю, которая в дальнейшем стала моей лучшей подругой. Мари-Эву, мою бывшую одноклассницу, жившую теперь в Эдинбурге, мы с Катрин встретили, распивая первую бутылку красного на мосту Искусств. Такое двойное совпадение следовало хорошенько отпраздновать.

Флориан был там с друзьями и заговорил с нами, услышав наш акцент. Немец по происхождению, он три года жил в Париже и в следующем месяце собирался

Ежевичная водка для разбитого сердца

переезжать в Монреаль. Он заканчивал архитектурный и нашел место в одной французской компании, имевшей отделение в Канаде. Три пьяные барышни из Квебека притянули его как магнит, и он провел остаток вечера за нашим столиком, а остаток недели — в моей узкой кровати в отеле. Мне было двадцать шесть лет, ему тридцать один. Катрин он не очень нравился, но я подозревала, что она ревнует меня к этому немцу чересчур, пожалуй, идеальной внешности, который говорил по-французски с неистребимым акцентом и, казалось, никогда и ни в чем в жизни не сомневался.

А вот я сомневалась, еще как. Я в ту пору уже начала работать в издательстве, для которого теперь, шесть лет спустя, писала. Тогда я правила рукописи, лелея мечту написать однажды свою собственную историю — не автобиографию, нет, но историю, которую я придумаю сама. Несколькими месяцами ранее издатель спросил, будет ли мне интересно написать биографию двадцатичетырехлетней популярной певицы, по которой фанатели дети предподросткового возраста. Я заинтересовалась, уверив себя, что таким образом «отточу перо», — от этой фразы Катрин завизжала от смеха, но она вообще визжала от смеха по любому поводу и имела свое мнение обо всем, что ее не касалось. Флориана моя новая профессия тоже позабавила. «Ты негр?» — сказал он. «Мне больше нравится *ghost writer*¹», — парировала я, не преминув уточнить, что не рассчитываю заниматься этим долго. Он окрестил меня Фантометтой², что очень смешило Катрин, а на меня, сама не знаю почему, нагоняло необъяснимую грусть.

В Монреаль мы возвращались порознь — сначала Катрин, потом я, потом Флориан. На неровных мосто-

¹ Писатель-призрак (англ.).

² Уменьшительное от *fantôme* (фр.) — призрак.

вых Парижа нас с Катрин накрепко спаяла дружба, а Флориан сразу же по приезде позвонил мне. Через год он въехал в мою квартирку, через два я въехала в купленный им шикарный кондоминиум, а через шесть он объявил, что уходит от меня к другой женщине.

Он с горячностью объяснял мне, что любит меня и будет любить всегда, но что-то, увы, ушло, что-то настолько важное, что впервые с нашей встречи ему захотелось посмотреть в сторону. И вот, посмотрев в сторону, он положил глаз на другую.

Другая была актрисой, которую Катрин немного знала и которой я от души желала смерти; с тех пор, как мне стало известно о ее существовании, она стала «сухой», «тварью» или «чертовой хипстершей в очочках из Майл-Энда».

— Актриса! — без конца повторяла я. — Ты можешь себе представить, что он бросил меня ради чертовой актрисы?

— Ладно тебе, мы же не чумные... — говорила Катрин.

— Флориан всю жизнь говорил, что терпеть не может женщин слишком бурного темперамента!

И Катрин, зная, что нельзя упрекать женщину, страдающую от несчастной любви, за склочность, и к тому же странным образом гордившаяся тем фактом, что ее собственный темперамент мог бы горы сокрушить, помалкивала. Знала она и то, что чертова хипстерша в очочках из Майл-Энда могла быть парикмахершей, бухгалтером или флористкой, и я с тем же успехом заклеимила бы скопом все эти профессии.

«Я хочу, чтобы она умерла», — повторяла я в красную диванную подушку. Мой голос, заглушенный ее пухлой начинкой, отдавался у меня в голове. «Я знаю...» — откликнулась Катрин.

— И чтобы он тоже умер, — добавляла я. — Еще больше хочу.

Ежевичная водка для разбитого сердца

— О'кей, — кивала Катрин, протягивая мне новый стакан, который я выпивала, даже не потрудившись сесть.

Я была зла на Флориана. Куда больше, чем на чертову хипстершу, остававшуюся, что ни говори, фигурой расплывчатой, которую я превратила в карикатуру, не забываясь о ее подлинной сущности. Флориан ушел к ней, но ведь ушел-то от меня *Флориан*, *Флориан* разбил мне сердце, *Флориана* я любила. И не кто-нибудь, а *Флориан* твердил мне, что он меня любит и слишком уважает, чтобы крутить романы за моей спиной.

Это было ужасно, обидно и, говорила я себе, на редкость жестоко. Какая-то часть меня смутно осознавала, что невозможно дать понять тому, кто тебя любит, что ты больше не любишь его, не показавшись при этом жестоким, но все равно я рвала и метала и была убеждена, что стала жертвой самой чудовищной несправедливости, когда-либо свершавшейся на этом свете.

Я предпочла бы смятение, слезы, самобичевание, латинскую мелодраму на разрыв этой тевтонской логике с ее рационализмом и сдержанностью.

«Парень не разводит сырость, когда бросает девушку», — сказал Никола. Мы вернулись с нашей полупрогулки, и я сушила волосы. Катрин принесла порядка сорока галлонов своего чудо-супа — я-то знала, что это консервированный суп Абитан¹ «Итальянская свадьба», в который она добавляла соус табаско. Она налила мне большую миску, одновременно звучно шлепнув Никола по затылку, отчего он уткнулся носом в свой стакан с вином.

— Эй! — крикнул он. — Это правда!

— Недоумок, вот ты кто. Мачо и недоумок.

¹ Марка консервированных и концентрированных супов производства фирмы «Кэмпбелл».